

Р.Т. Нуриев

**ОСОБЫЕ КОНСТРУКТОРСКИЕ
И ТЕХНИЧЕСКИЕ БЮРО («ШАРАШКИ») г. КАЗАНИ В 1940-х гг.
ПО МЕМУАРАМ И СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ**

Аннотация. В статье рассматривается повседневность казанских «шарашек» – Особого конструкторского бюро на Авиационном заводе № 16 и Особого технического бюро № 40 на Казанском пороховом заводе, где в 1940-х годах работали заключенные специалисты. За время их работы здесь были созданы новые виды вооружения, которые стали важным вкладом в победу в Великой Отечественной войне и положили начало современным военным разработкам. В казанских «шарашках» наряду с простыми заключенными специалистами работали такие видные инженеры: С.П. Королев, В.П. Глушко, Б.С. Стечкин, Г.Н. Лист, А.Д. Чаромский, В.В. Шнегас. Статья базируется на архивных документах и воспоминаниях людей, работавших в этих спецучреждениях.

Ключевые слова: заключенные специалисты, особое конструкторское / техническое бюро, «шарашка», химическая промышленность, авиаконструкторы, мемуары.

Нуриев Руслан Тагирович – студент Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: ruslan.nuriev.aiesec@gmail.com

R.T. Nuriev. Special Design and Technical Bureaus («Sharashki») in Kazan in the 1940. According to Memoirs and Testimonies of Contemporaries

Abstract. The paper, based on archive sources, addresses professional activities and everyday life of special design departments in Kazan («sharashkas»). These departments were located at the 16th Kazan aviation factory and the Kazan powder factory. Among the prisoners-scientists who worked in 1940-s at these institutions were such famous engineers: S.P. Korolev, V.P. Glushko, B.S. Stechkin, H.N. List, A.D. Charomskiy, V.V. Shnegas, all of them contributing to the development of new types of arms.

Keywords: prisoners-engineers, special design department, chemical industry, aircraft designers, memories, «sharashka».

Nuriev Ruslan Tagirovich – student, Kazan (Volga region) federal university. E-mail: ruslan.nuriev.aiesec@gmail.com

История становления советской промышленности тесно связана с историей ГУЛАГа и во многом перекликается с ней. Руками заключенных строились заводы, каналы, железные дороги, целые промышленные центры. Отдельное место в судьбах страны занимает деятельность репрессированной научно-технической интеллигенции и особых конструкторских и технических бюро, в которых работали эти люди. Вклад репрессированных специалистов в развитие советской науки и техники требует детального изучения. Целью статьи стало исследование конструкторской деятельности и повседневной жизни заключенных спецтюрем на примере казанских Особых конструкторских и технических бюро.

Изучение деятельности Особых конструкторских и технических бюро (ОКБ, ОТБ) сопровождается ряд трудностей. Во-первых, многие архивные документы, связанные с этой проблемой, до сих пор не рассекречены. Во-вторых, темы, связанные с деятельностью «шарашек», долгое время находились под запретом, что сказалось на степени изученности проблемы. Только на рубеже 80–90-х годов XX в., под влиянием общественных процессов и благодаря усилиям журналистов и литераторов, началась разработка вопросов, касающихся ОКБ. Однако даже в этот период проблемы экономической деятельности исправительной системы СССР и ее влияния на развитие военно-промышленного комплекса страны не стали предметом изучения историков. Лишь в 1990–2000-х годах исследователи подробно заинтересовались вопросами, касающимися ГУЛАГа и его места в пенитенциарной системе Советского Союза [4], описанию отдельных исправительно-трудовых лагерей [8; 13; 20] и системы органов госбезопасности [11; 21; 29].

На сегодняшний день в отечественной историографии достаточно трудов, которые затрагивают проблему ОКБ. Однако при их детальном изучении становится ясно, что этот вопрос рассмотрен фрагментарно [14]. В исследованиях часто не уделяется должного внимания данному феномену, о нем говорится лишь вскользь, а работы, которые касаются проблемы Особых конструкторских бюро, изучают систему в целом и очень редко останавливаются на истории отдельных ОКБ и региональной специфики их работы. Лакуны помогают заполнить исследования, в которых рассматривается история развития региональной промышленности и отдельных предприятий, например Казанского порохового завода [5]. Однако даже в этих случаях Особые конструкторские бюро остаются только страницей в чужой истории.

Конечно, в историографии присутствуют труды, посвященные феномену развития спецтюрем в регионах СССР. Разработкой истории ОКБ в Пермском крае занимается С.А. Шевырин [22; 23; 24]. Международное историко-просветительское общество «Мемориал» ведет проект «Москва: топография террора» [28], который, помимо всего прочего, нацелен на исследование истории отдельных спецтюрем Москвы и Московской области. Ряд исследо-

вателей также изучают историю «шарашек» Московской области [10; 17]. Специальных работ по казанским ОТБ и ОКБ, к сожалению, пока нет.

Ввиду недостаточной историографической базы большую важность для изучения Особых конструкторских и технических бюро представляют архивные источники и источники личного происхождения. Однако, как было указано выше, доступ к архивным документам по этой проблеме частично закрыт. Мемуары и свидетельства современников в этой ситуации становятся материалом, который помогает не только идентифицировать ОКБ и их род занятий, но и исследовать региональную специфику этих заведений, узнать их внутреннюю структуру, оценить взаимоотношение между людьми, работавшими в них, увидеть этот мир глазами репрессированных специалистов, которые прошли через «шарашки».

В статье были использованы дела из Архива истории ГУЛАГа [18; 25; 26]. Два дела представляют собой воспоминания заключенных казанских ОКБ и их родственников [25; 26]. Третье дело – воспоминание К.С. Синилобова [18]. Хотя оно повествует о шарашке в Торжке, но помогает нам лучше разобраться во внутренней структуре казанских спецтюрем и сделать некоторые предположения относительно их функционирования. Всего в данном архиве находится около 200 дел, касающихся деятельности особых конструкторских бюро. Также были изучены опубликованные воспоминания В.В. Лапшина [9], М.М. Мурдуховича [12] и книга воспоминаний о С.П. Королеве [7]. Все они работали в казанских «шарашках».

Интересно, что само слово «шарашка», которое сегодня используется исключительно в негативном контексте и относится к сомнительным научным или образовательным заведениям, пришло к нам из тюремного языка и обозначало засекреченный научно-исследовательский институт или конструкторское бюро, где под контролем органов госбезопасности работали ученые и инженеры [16]. Сложно определить этимологию этого выражения, но можно предположить, что негативная коннотация термина возникла из-за неприятия заключенными такой формы эксплуатации умственного труда и пренебрежительного отношения к администрации Особых конструкторских бюро. Эту теорию подтверждают мемуары, авторы которых, заключенные, называли между собой представителей администрации спецтюрем «Васьками» и «Петьками», т.е. по именам и часто в пренебрежительной форме. Таким образом, они ставили себя выше своих надзирателей в профессиональном плане, даже несмотря на их научные степени.

В результате крупных процессов, таких как «Шахтинское дело», «Дело промпартии», ряда дел в оборонной промышленности, враждебного отношения к беспартийным специалистам, Советский Союз столкнулся с ситуацией, когда многие представители научно-технической интеллигенции оказались в заключении. Необходимо было обеспечить этот контингент соответствующей

работой, тем более что перед страной стояли большие задачи: за десять лет необходимо было пройти путь развития, на который у капиталистических стран уходило 50–100 лет [19, с. 39]. Поэтому после ликвидации в 1928–1929 гг. «контрреволюционных» организаций ОГПУ стало привлекать осужденных специалистов для работы. Так, уже в 1930 г. при Транспортном отделе Народного комиссариата путей сообщения СССР было организовано Особое техническое бюро (ОТБ), где проектировали элементы, необходимые для реконструкции железнодорожного транспорта. К этой работе были привлечены осужденные специалисты. Похожая работа проводилась по реконструкции водного транспорта [11, с. 320–321] и была важной частью советской модернизации военно-промышленного комплекса.

1 апреля 1931 г. был подписан приказ ОГПУ № 160/96 об организации пятого Специально-технического отделения, которое использовало труд осужденных специалистов. Именно этот документ положил начало «масштабированию» ОТБ [17, с. 37]. К концу 1930-х годов Особые конструкторские бюро функционировали на предприятиях и в научно-исследовательских институтах Москвы, тюрьмах Ленинграда, в Ростове-на-Дону, Харькове, Западной Сибири, под Суздалем и в других уголках СССР. В это же время такие учреждения появляются и в Казани.

За годы существования этого феномена только в Москве и Московской области было открыто 16 подобных учреждений, а на всей территории Советского Союза удалось обнаружить 38 «шарашек», не считая трех немецких, расположенных в советской зоне оккупации на территории Германии. Количество ОКБ в Москве в несколько раз превышало число подобных заведений в других городах Советского Союза. Например, в Казани работали только две «шарашки»: Особое конструкторское бюро на заводе № 16 и Особое техническое бюро № 40 на Казанском пороховом заводе. Ситуация несколько изменилась после начала Великой Отечественной войны, когда вместе с научно-исследовательскими институтами (НИИ), промышленными предприятиями, эвакуировались и «шарашки». Возникла необходимость обезопасить важные военно-промышленные объекты, особенно те, в которых велась разработка новых видов вооружений. Таким образом, в Иркутск было перевезено Центральное конструкторское бюро № 39, в Пермь – ОКБ-172 и Болшевское ОТБ НКВД. В Казань же перебазировалась большая часть Академии наук СССР, авиа- и машиностроительные заводы. Сюда были направлены ученые и инженеры, в том числе и заключенные. Как раз в 1941 г., когда в город были перевезены осужденные химики, при Казанском пороховом заводе открывается ОТБ-40. В это же время к уже существовавшему ОКБ-16 Казанского авиационного завода присоединилось ОТБ Тушинского авиационного завода № 82. Можно сделать вывод, что Великая Отечественная война способствовала распространению феномена «шарашек» по территории СССР. Почему

в Казань не направили большее число «шарашек»? Дело в том, что в Казани в этот период было всего два крупных военных предприятий, которые могли стать базой для работы Особых конструкторских и технических бюро.

В мае 1939 г. в четвертом спецотделе НКВД СССР началась разработка проекта мощного 24-цилиндрового мотора МБ-100. В августе 1940 г. ОКБ 4-го спецотдела было переведено на завод № 27 в г. Казань для организации постройки и доводки мотора МБ-100, а также оказания технической помощи предприятию в строительстве, монтаже и освоении серийной продукции мотора МБ-105 [1, л. 7]. Так в Казани появилась первая «шарашка». Для работы в ней по всему ГУЛАГу начинают искать специалистов соответствующего профиля.

Одним из них был В.В. Лапшин – инженер-технолог по холодной обработке металлов. 17 ноября 1936 г. его арестовали, два года шло следствие, после был объявлен приговор: пять лет исправительно-трудовых лагерей. Наказание он отбывал в лагере в Котласе, а затем этап – сначала в Горький, а потом в Бутырскую тюрьму в Москве [9, с. 253–289].

Все время функционирования «шарашек» Бутырская тюрьма (Бутырка) играла роль распределительного центра, куда свозились специалисты со всего Советского Союза, которые затем отправлялись для работы в отдельные ОКБ. Другой осужденный – П.С. Щипанов – описал свое пребывание в Бутырке и последующее распределение на работу в Специальное конструкторское бюро (г. Рыбинск) следующим образом: «Здесь я попадаю в камеру, где находились специалисты, главным образом конструкторы из различных лагерей Сибири, Дальнего Востока, Урала и Европейского севера... Беседа была короткая, обращение вежливое. Все данные о нашей квалификации и образовании у них были, они как бы уточняли» [26, л. 44]. Таким образом, к началу 1930-х годов уже была налажена система поиска и распределения специалистов, находящихся в системе ГУЛАГа. Причем персонифицированный запрос на таких специалистов присылался из наркоматов, контролировавших оборонную или авиационную промышленность.

Перед дальнейшей отправкой заключенного в ОКБ с ним происходила поразительная внешняя метаморфоза, призванная скрыть последствия тяжелых условий пребывания в тюрьме / лагере. Тот же В.В. Лапшин описывал ее так: «Привезли меня в тюрьму и стали приводить в порядок. Побрили, помыли, лагерное обмундирование сменили на приличный костюм» [9, с. 259]. Затем заключенных привозили непосредственно на место работы, где им предстояло, отбывая срок, вносить свою лепту в научно-техническое развитие страны.

На Казанском авиационном заводе ОКБ занимало третий и четвертый этажи завода. По словам В.В. Лапшина, в «помещении было все, что нужно для жизни и работы: оборудованные чертежные залы, спальни с кроватями

под белым накрахмаленным бельем, столовая, душ, библиотека» [9, с. 259]. Жилые комнаты напоминали заводское общежитие: железные кровати с металлическими сетками, прикроватные тумбочки. Заключение не убиралось в своих комнатах, для этого был отдельный вольнонаемный персонал. При распределении заключенных администрация старалась учесть их возраст и характер. «Подбирались люди по возрасту и тождественности привычек и наклонностей. В нашей комнате I находился наиболее великовозрастный состав... мне было около 45 лет, и я был младшим. ...Нашу комнату более молодые и подвижные зеки именовали “паноптикумом восковых фигур”», – вспоминает К.С. Синилобов о своей жизни в «шарашке», которая находилась в Торжке [18, л. 26–27]. К сожалению, неизвестно существовала ли подобная практика в казанских учреждениях. Можно предположить, что да, ведь от этого зависели многие факторы, в том числе продуктивность работы ученых.

Особо мемуаристы отмечали богатую библиотеку при ОКБ: «Была она с таким великолепным набором книг, какой не всякая библиотека имеет. Периодически она полностью обновлялась» [9, с. 260]. Заключение не только получали всю необходимую техническую литературу на различных языках, но и литературу художественную.

Питание, как это было принято в таких заведениях, было на высшем уровне и сильно контрастировало с лагерным: «Питание было хорошее. К чаю – печенье, булочки, пряники. Ежедневно каждому давали по пачке папирос “Беломорканал”» [9, с. 279]. Тогда как в лагерях в 1944 г., даже с учетом, что с этого времени условия питания были значительно улучшены по сравнению с 1930-ми годами, заключение получали всего лишь 550 гр. хлеба, 15 гр. мяса и мясопродуктов, 8 гр. сахара и ряд других продуктов. Да и то только при условии 100% выработки дневной нормы [27, с. 227].

На третьем этаже находилась столовая, такая как на небольших предприятиях: обеденный зал был отгорожен от кухни стеной с окном, через которое выдавалась еда. Набор посуды тоже был обычным (тарелки, ложки и вилки), за исключением того, что здесь имелись даже ножи, что совсем не типично для мест лишения свободы.

Почти все конструкторы для работы снабжались чертежными досками, оборудованными новыми по тем временам чертежными приборами – кульманами. Как и в других ОКБ, в казанском при подписании чертежей указывались номера заключение авторов, а не их фамилии. Например, у В.П. Глушко был 800-й номер. В то же время вольнонаемные подписывались собственными именами. В частности, чертежи и трафареты, выполненные в группе под руководством В.П. Глушко, были подписаны следующим образом: «проектировал – Эдельман, главный конструктор – 800», где фамилией был обозначен вольнонаемный А.И. Эдельман, под номером значился руководитель группы [7, с. 170].

С началом Великой Отечественной войны в Казань были эвакуированы Московский самолетостроительный завод (№ 22) и Московский агрегатно-моторный завод (№ 219). Объединенное предприятие получило название «Завод № 16» и было размещено на базе бывшего завода № 27. Тогда же была перевезена «Тушинская шарашка» – ОТБ-82. В связи с объединением трансформировалась структура Особого конструкторского бюро. Теперь оно состояло из трех конструкторских бюро: КБ-1 по бензиновым моторам, КБ-2 по реактивным двигателям и группа № 5 по установке реактивного двигателя на самолете [1, л. 2].

Конструкторское бюро № 1 имело в своем составе девять групп, куда входило 28 техников и конструкторов, в том числе и «спецсостав», т.е. заключенные. За время существования в ОКБ-16 были разработаны авиационные моторы МБ-100 и МБ-102. Сотрудники Конструкторского бюро № 2 за время своей работы создали реактивные двигатели РД-1, РД-2, РД-3 [4, л. 74–75, 77–79]. Главным конструктором этой группы был назначен В.П. Глушко. «Работа... была выполнена в результате упорного творческого труда коллектива конструкторов, экспериментаторов и производственников. Принципиальная новизна поставленных задач, отсутствие в технике даже подобных работоспособных конструкций привели к необходимости самостоятельного и оригинального решения этих задач на основе строго научной разработки проблемы, тщательного расчета и продуманного конструирования, базирующегося на эксперименте» [1, л. 18], – утверждал начальник 4-го спецотдела НКВД, комиссар В.А. Кравченко. Именно такую оценку КБ, возглавляемое заключенным В.П. Глушко, получило за успешно проделанную работу от НКВД. Разумеется, для самого заключенного гораздо большее значение имел указ о досрочном освобождении, подписанный 27 июля 1944 г.

8 января 1943 г. в составе этого же ОКБ появилась группа № 5, главным конструктором которой был назначен С.П. Королев. В ее задачу входило обеспечение разработки и сдачи чертежей реактивной установки (РУ-1) на самолете Пе-2 [15, л. 2]. «Эта работа, являющаяся технически новой и оригинальной, проводилась впервые в авиационной технике, при отсутствии какого-либо постороннего опыта» [1, л. 23]. И действительно, полученный опыт на Пе-2 затем применялся на других семействах бомбардировщиков и использовался при разработке скоростных истребителей С.А. Лавочкина (Ла-7 Р), А.С. Яковлева (Як-3 Р) и П.О. Сухого (Су-7).

Во время войны привычный распорядок жизни заключенных изменился: «Газет нам читать не давали, но отдельные сведения извне все-таки проникали к нам. На небольшие работы стали допускать вольнонаемных сотрудниц. В уже почти готовые цеха эвакуировался самолетостроительный завод из Москвы, переехал к нам и Воронежский моторостроительный завод. Начался усиленный монтаж станочного оборудования, предназначенного для выпуска

серийного авиадвигателя. Конструкторское бюро работало над мощным двигателем под руководством главного конструктора А.М. Добротворского и над реактивным двигателем под руководством главного конструктора Глушко. Готовые моторы устанавливались на самолеты соседнего завода и эшелонами отправлялись на фронт», – вспоминал инженер В.В. Лапшин. Интересно и то, что заключенные специалисты сами просили отправить их на фронт, на что получали неизменный ответ: «Таких на фронт не берут, у нас народу много и без вас» [9, с. 280].

На заводе № 16 «шарашка» просуществовала до середины 1944 г. В мае того года (согласно приказу 00446/262 от 18.04.1944 г.) она была передана в Наркомат авиационной промышленности, а заключенные прекратили свою работу на этом объекте [1, л. 1]. За время существования ОКБ-16 здесь работали такие известные инженеры, как В.П. Глушко, С.П. Королев, Б.С. Стечкин, Г.Н. Лист, А.Д. Чаромский [12, с. 90]. Кроме В.П. Глушко, который в 1940 г. был отправлен в Казань специально для разработки и запуска производства жидкостных ракетных двигателей, другие конструкторы оказались в Казани только из-за начавшейся войны. Волею судьбы или благодаря тонким расчетам НКВД ОКБ-16 пополнилось ведущими авиаконструкторами, основателями советского ракетостроения.

Существовала также практика, когда нескольких заключенных инженеров из «шарашки» могли отправить на завод для решения срочных технических задач. Подобная ситуация произошла на Зеленодольском судостроительном заводе, где в годы войны выпускались суда-охотники за подводными лодками. В 1941 г. здесь началось производство новой продукции – судовых двигателей, для которых предполагалось использовать отработавшие свой ресурс и снятые с самолетов авиационные моторы. «Не хватало звена – муфты между двигателем и мотором. Для разработки новой конструкции и ее производства по распоряжению заместителя министра НКВД Чернышева в КБ судостроителей перевели конструктора Шарапова и меня. Шарапов разработал конструкцию муфты, а я техпроцессы на детали» [9, с. 280]. В этом случае нельзя говорить о полноценном ОКБ, но факт применения труда осужденных специалистов налицо. Благодаря отработанной системе «шарашек» заключенные снимались с одного объекта и оперативно перебрасывались на другой для решения неотложных технических задач.

Помимо ОКБ, на заводе № 16 в Казани существовало Особое техническое бюро на Казанском пороховом заводе (ОТБ-40). Однако появилось оно несколько позже – осенью 1941 г., когда на восток страны были эвакуированы многие предприятия, в том числе и предприятия химической промышленности. Многие из них далеко не сразу приступили к выпуску продукции на новом месте. Большие сложности были и в пороховой промышленности: «Из семи заводов, производивших пироксилиновые пороха, осенью 41-го работали

только два: завод № 40 и комбинат № 39, а единственный завод, снабжавший баллиститным¹ порохом «Катюшу», был выведен из строя в связи с оккупацией Украины» [25, л. 81].

Перед специалистами по пороховому делу была поставлена задача срочно создать ракетные заряды из пироксилиновых порохов. Решением этой проблемы были заняты ОТБ-40 и НИИ-6. В это время в Казань присылают Владимира Владимировича Шнегаса (1876–1943), в первые годы советской власти работавшего техническим директором Казанского порохового завода. Парадоксальным образом жизнь В.В. Шнегаса завершилась на любимом заводе, но уже не в статусе директора, а заключенного. Последние годы он работал в ОТБ завода над одной из важнейших проблем – разработкой пороха для реактивных установок «Катюша».

Коллектив «шарашки» на пороховом заводе был небольшим: вместе с вольнонаемными сотрудниками составлял чуть больше 40 человек. Работами руководил главный инженер ОТБ, репрессированный Н.П. Путимцев, бывший главный инженер Всесоюзного порохового треста. «ОТБ-40 сразу же было загружено научно-исследовательской работой по созданию новых марок порохов, зарядов, новых технологий и видов специального оборудования. Руководство завода обращалось к специалистам ОТБ-40 за консультациями и рекомендациями по различным производственно-техническим вопросам. Некоторые специалисты сопровождалась в Москву в Наркомат боеприпасов для обсуждения отдельных вопросов на технических советах» [25, л. 81].

За годы войны заводом было отработано валовое производство пироксилинового пороха к системам М-8 и М-13, пироксилиновых порохов к минометам, была освоена технология изготовления коллоксилина, налажено его производство [5, л. 248]. Разработки ОТБ были внедрены на других химических производствах СССР.

Заключенные в ОТБ-40 жили на территории завода, а на свидания их привозили в городскую тюрьму. Они могли заказать любую литературу и посещать любой цех завода, но только в сопровождении конвоира или – как было принято называть его в «шарашке» – «свечки». Условия жизни и работы для специалистов были созданы неплохие, но режим спецтюрьмы был очень строгим. «Самые незначительные отклонения от особой инструкции поведения наказывались лишением суточного положенного питания и выдачей только 200 гр. хлеба. Более серьезные нарушения наказывались лишением нормированной переписки и свиданий. Самой исключительной мерой была отправка в зону» [2, с. 226].

1. Одно из названий бездымных порохов, использовавшихся в реактивных снарядах.

В 1943 г. работы по пороху были закончены. 13 августа 1943 г. пришло решение Президиума Верховного Совета СССР о награждении Н.П. Путимцева орденом Красной Звезды, его досрочном освобождении, а также амнистии членов рабочей группы Путимцева. Позже он продолжил свою работу в этом же ОТБ в качестве вольнонаемного сотрудника [3]. В.В. Шнегас не дождался до этого постановления месяц. В своих воспоминаниях его внучка Светлана Шнегас писала, что «дедушка умер 12 июля 1943 года. Во время обеда, когда все заключенные были в столовой, им сказали, что поскольку работа закончена, всех должны освободить и наградить. Дедушке тут же стало плохо, он упал и почти сразу скончался» [25, л. 67]. Для него, как и для других заключенных специалистов, главной мотивацией работать по 10–12 часов ежедневно была возможность получить досрочное освобождение и вернуться к своей семье.

История существования ОТБ-40 не ограничивается военными годами. Осенью 1947 г. в Казань к химикам в составе ОТБ-40 был переведен П.С. Щипанов, осужденный на восемь лет лишения свободы: «...16 сентября 1947 г., поздно вечером, меня привезли на новое место заключения, в Казанскую спецтюрьму, которая находилась на территории порохового завода» [26, л. 56]. По профессии П.С. Щипанов был инженером-механиком, конструктором. До войны он преподавал в Сталинградском механическом институте в должности доцента, а накануне ареста (8 апреля 1944 г.) преподавал на кафедре танков Академии бронетанковых и механизированных войск в Москве.

В ОТБ-40 было два отдела: химико-технологический и конструкторский, а также экспериментально-механическая мастерская. В это время, как и в 1941 г., в ОТБ работали сравнительно немного людей. «В конструкторском отделе работало человек двенадцать, из них заключенных половина. В основном это были самостоятельные конструкторы, а вольнонаемные были копировщицы и чертежницы, в основном женщины. Если конструкторов было пять-шесть человек, то химиков было в два раза больше, в основном инженеры с Шосткинского порохового завода», который располагался на территории нынешней Сумской области Украины. Еще пять человек трудились в экспериментальной мастерской. Конструкторский отдел ОТБ занимался проектированием оборудования для изготовления порохов, разработкой новых видов пороха и применения их в оборонной промышленности [26, л. 56–57].

Пожалуй, одной из наиболее важных частей жизни обитателей тюрем, лагерей или «шарашек» были взаимоотношения между людьми. Однако в отличие от других мест отбывания наказания Особые конструкторские бюро отличались тем, что рядом с заключенными работали вольнонаемные специалисты. Несмотря на постоянный надзор охраны и запрет на общение между этими двумя группами на какие-либо темы, кроме профессиональных,

отношения между заключенными и вольнонаемными сотрудниками складывались довольно теплые. Простых граждан не пугал статус врага народа, опасного контрреволюционера, политического преступника, которым государство наградило представителей технической интеллигенции. Вольнонаемные сотрудники всячески старались помочь заключенным: передавали письма родным и близким, узнавали информацию о родственниках. Заключенные, в свою очередь, также старались помочь вольнонаемным сотрудникам, так как положение последних на воле иногда было хуже, чем заключенных в спецтюрьмах. В своих мемуарах П.С. Щипанов вспоминал об одном таком случае: «У нас в тюрьме работала уборщицей татарка Шура. Нас уводили на работу, а она приходила убирать наши камеры. Она растила двух детей, муж погиб на фронте. У нас оставался хлеб, и мы оставляли его на тумбочках, а ей передавали, чтобы она его забирала. И вот однажды начальник тюрьмы Халфин обнаружил у нее наши куски хлеба. Он вызвал ее к себе в кабинет, отобрал хлеб, выбросил его в ее помойное ведро, ругался площадной бранью (по-татарски) и предупредил, если она еще возьмет хоть грамм хлеба, он ее отдаст под суд. Она плакала и говорила, что ей надо кормить двух детей, что ее муж погиб, защищая Родину. Все это она рассказала нам, обливаясь слезами. Мы были сыты, нас еще подпитывали в ИТРовской² столовой из-за вредности химического производства от завода. Мы там, в заводской столовой, устроили ей тайничок, и она продолжала брать наш хлеб» [26, л. 56–57].

С конца 1940-х годов количество заключенных постепенно уменьшалось. У многих специалистов, работавших в Особых конструкторских бюро, заканчивался срок заключения. Некоторые инженеры оставались и продолжали работать на заводах в качестве вольнонаемных сотрудников. Постепенно «шарашка» ОТБ-40 прекратила свое существование, а после смерти И.В. Сталина немногие оставшиеся в СССР подобные заведения стали закрываться. Государство начало процесс реабилитации осужденных специалистов.

Подводя итоги, хочется отметить, что условия жизни и работы в «шарашках», в том числе казанских, сильно отличались от тюремных / лагерных. Специалисты занимались только трудом, соответствующим их высокой квалификации, для всего остального был отдельный вольнонаемный персонал. Заключенные «шарашек» подчас питались лучше, чем обычные граждане. И все же для своих обитателей «шарашка» была золотой клеткой, из которой они всеми силами старались вырваться на свободу.

История казанских «шарашек» тесно связана с историей развития военно-промышленного комплекса Советского Союза. За годы работы в ОКБ-16 заключенными были созданы новые виды авиационных двигателей: МБ-100,

2. Столовая для инженерно-технических работников.

МБ-102, МБ-105, реактивные двигатели: РД-1, РД-2, РД-3, была выполнена установка реактивных двигателей на самолет Пе-2. В ОТБ-40 химиками и инженерами была разработана система валового производства пироксилинового пороха к реактивным снарядам М-8 и М-13, системам залпового огня «Катюша». В казанских «шарашках» самоотверженно трудились видные ученые и инженеры: С.П. Королев, В.П. Глушко, Б.С. Стечкин, Г.Н. Лист, А.Д. Чаромский, В.В. Шнегас. Их разработки стали бесценным вкладом в победу в Великой Отечественной войне и положили начало современным видам вооружения. Однако историкам предстоит еще большая работа по изучению роли «шарашек» в развитии военно-промышленного комплекса СССР.

Библиография

1. Акт приема и сдачи дел ОКБ на заводе № 16 // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 81. 80 л.
2. Докладная записка директора завода № 16 М.М. Лукина народному комиссару авиационной промышленности СССР А.И. Шахурину о работе завода в 1942–1943 гг. // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. Р-5940. Оп. 1. Д. 161. Л. 74, 75, 77–79.
3. Докладная записка директора завода № 40 А.П. Якушева в казанский городской комитет ВКП (б) об оборонной продукции завода и работе по ее усовершенствованию // НА РТ. Ф. Р-1062. Оп. 17. Д. 702. Л. 248.
4. Исаев В.И. Эхо шахтинского процесса в Сибири: Жизнь и смерть инженера Жаркова // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 2009. № 9. С. 47–61.
5. Казаков В.С. 210 лет на службе Родине. Казань: Экополис, 1998. 368 с.
6. Казаков В.С. Первый директор Казанского порохового завода // Ленинец. Казань, 1997. № 17.
7. Королева Н.С. Отец: в 3 кн. М.: Наука, 2007. Кн. 2: 1938–1956 годы. 314 с.
8. Кузнецов И.Н. Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 262 с.
9. Лапшин В.В. Я родом из Васильсурска // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (1918 год – 80-е годы). СПб.: Ретро, 1994. Вып. 7. С. 253–289.
10. Малых В.И. Болшевская «шарашка» // Валентиновка [Электронный ресурс]. URL: http://www.valentinovka.com/sites/default/files/bolshevskaya_sharashka_0.pdf (Дата обращения: 17.04.2018.)
11. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.
12. Мордухович М.М. Наказание без преступления // Наука и жизнь. 1990. № 3. С. 96–105; № 4. С. 88–94.
13. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1997. 190 с.
14. Моруков М.Ю. Деятельность хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД и оборона СССР 1929–1941 гг. М.: РГБ, 2004. 174 с.
15. Приказ по Особому конструкторскому бюро завода № 16 об организации в особом конструкторском бюро группы реактивных установок. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) // Ф. Р-5940. Оп. 2. Д. 8. Л. 2, 2 об.
16. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991. Ч. 1. 376 с.

17. Симоненко В. Шарашки. Инновационный проект Сталина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 192 с.
18. Синилов К.С. [Воспоминания] // Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79. 29 л.
19. Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. 473 с.
20. Уйманов В.Я. Боль людская... Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. 439 с.
21. Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 270 с.
22. Шевырин С.А. Изобретатели в ГУЛАГе в годы Великой Отечественной войны // Третьи Кремлевские чтения. Казань: «Фэн» АН РТ, 2012. Ч. 2: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Региональные аспекты исследования». С. 130–137.
23. Шевырин С.А. Конструкторские бюро в ГУЛАГе // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Место УИС во взаимодействии власти и общества в России: История и современность (к 130-летию образования Главного тюремного управления)»: «Гуманитарно-пенитенциарный вестник». № 4. Рязань, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/konstruktorskie-byuro-v-gulage.html> (Дата обращения: 17.04.2018.)
24. Шевырин С.А. Топография террора. Пермь. История политических репрессий. Пермь: Маматов, 2012. 310 с.
25. Шнегас В.В. [Воспоминания] // Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6897. 108 л.
26. Щипанов П.С. 10 лет моей жизни. Воспоминания // Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. 101 л.
27. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М.: АСТ; CORPUS, 2017. 688 с.
28. Это прямо здесь: Москва. Топография террора // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <https://topos.memo.ru> (Дата обращения: 17.04.2018.)
29. Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИР-XX, 2003. 352 с.

References

- Akt priema i sdachi del OKB na zavode N 16 // Rossijskij gosudarstvennyj arxiv e'konomiki (RGAE). F. 69. Op. 1. D. 81. 80 l.
- Dokladnaya zapiska direktora zavoda N 16 M.M. Lukina narodnomu komissaru aviacionnoj promy'shennosti SSSR A.I. Shaxurinu o rabote zavoda v 1942–1943 gg. // Nacional'nyj arxiv Respubliki Tatarstan (NA RT.) F. R-5940. Op. 1. D. 161. L. 74, 75, 77–79.
- Dokladnaya zapiska direktora zavoda N 40 A.P. Yakusheva v kazanskij gorodskoj komitet VKP (b) ob oboronnoj produkcii zavoda i rabote po ee usovershenstvovaniyu // NA RT. F. R-1062. Op. 17. D. 702. L. 248.
- E'pplbaum E'. GULAG. Moscow: AST; CORPUS, 2017. 688 p.
- E'to pryamo zdes': Moskva. Topografiya terrora // Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel'skoe, blagotvoritel'noe i pravozashhitnoe obshchestvo «Memorial» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://topos.memo.ru> (Data obrashheniya: 17.04.2018.)
- Isaev V.I. E'xo shaxtinskogo processa v Sibiri: zhizn' i smert' inzhenera Zharkova // E'KO: E'konomika i organizaciya promy'shennogo proizvodstva. 2009. N 9. P. 47–61.
- Kazakov V.S. 210 let na sluzhbe Rodine. Kazan': E'kopolis, 1998. 368 p.
- Kazakov V.S. Pervyj direktor Kazanskogo poroxovogo zavoda // Leninecz. Kazan', 1997. N 17.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

- Koroleva N.S. Otech: v 3 kn. Moscow: Nauka, 2007. Kn. 2: 1938–1956 gody`. 314 p.
- Kuznecov I.N. Repressii 30–40-ch gg. v Tomskom krae. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1991. 262 p.
- Lapshin V.V. Ya rodom iz Vasil'surska // Uroki gneva i lyubvi: Sb. vospominanij o godax repressij (1918 god – 80-e gody`). Saint Petersburg: Retro, 1994. Vy`p. 7. P. 253–289.
- Maly`x V.I. Bolshevskaya «sharashka» // Valentinovka [Jelektronnyj resurs] [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.valentinovka.com/sites/default/files/bolshevskaya_sharashka_0.pdf (Data obrashheniya: 17.04.2018.)
- Mozoxin O.B. VChK-OGPU. Karayushhij mech diktatury` proletariata. Moscow: Yauza, E`ksmo, 2004. 448 p.
- Morduxovich M.M. Nakazanie bez prestupleniya // Nauka i zhizn`. 1990. N 3. P. 96–105; N 4. P. 88–94.
- Morozov N.A. GULAG v Komi krae. 1929–1956 gg. Sy`kty`vkar: Izd-vo Sy`kty`vkar. un-ta, 1997. 190 p.
- Morukov M.Yu. Deyatel`nost` xozyajstvenny`x podrazdelenij OGPU-NKVD i oborona SSSR 1929–1941 gg. Moscow: RGB, 2004. 174 p.
- Prikaz po osobomu konstruktorskemu byuro zavoda N 16 ob organizacii v osobom konstruktorskom byuro grupy` reaktivny`x ustanovok. Nacional`ny`j arxiv Respubliki Tatarstan (NA RT) // F. R-5940. Op. 2. D. 8. L. 2, 2 ob.
- Rossi Zh. Spravochnik po GULAGu. Moscow: Prosvet, 1991. Ch. 1. 376 p.
- Simonenko V. Sharashki. Innovacionny`j proekt Stalina. Moscow: E`ksmo, Algoritm, 2011. 192 p.
- Sinilobov K.S. [Vospominaniya] // Arxiv istorii GULAGa. F. 2. Op. 2. D. 79. 291.
- Stalin I.V. Sochineniya. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1951. T. 13. 473 p.
- Shevy`rin S.A. Izobretateli v GULAGE v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Tret`i Kremlevskie chteniya. Kazan`: «Fe`n» AN RT, 2012. Ch. 2: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: regional`ny`e aspekty` issledovaniya». P. 130–137.
- Shevy`rin S.A. Konstruktorskie byuro v GULAGE // Materialy` V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Mesto UIS vo vzaimodejstvii vlasti i obshhestva v Rossii: istoriya i sovremennost` (k 130-letiyu obrazovaniya Glavnogo tyuremnogo upravleniya)»: «Gumanitarnopenitenciarny`j vestnik». N 4. Ryazan`, 2009 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.permgasp.ru/publikatsii/stati/konstruktorskie-byuro-v-gulage.html> (Data obrashheniya: 17.04.2018.)
- Shevy`rin S.A. Topografiya terrora. Perm`. Istoriya politicheskix repressij. Perm`: Mamatov, 2012. 310 p.
- Shnegas V.V. [Vospominaniya] // Arxiv istorii GULAGa. F. 2. Op. 1. D. 6897. 108 l.
- Shhipanov P.S. 10 let moej zhizni. Vospominaniya // Arxiv istorii GULAGa. F. 2. Op. 1. D. 140. 101 l.
- Ujmanov V.Ya. Bol` lyudskaya... Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1994. 439 p.
- Xlevnyuk O.V. 1937: Stalin, NKVD i sovetskoe obshhestvo. Moscow: Respublika, 1992. 270 p.
- Yunge M., Binner R. Kak Terror stal «Bol`shim». Sekretny`j prikaz N 00447 i texnologiya ego ispolneniya. Moscow: AIR-XX, 2003. 352 p.